

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 16.334.55:314.174

ПАРАДОКСЫ РЕПРОДУКЦИИ РЕСУРСОВ ЖИЗНИ СЕЛА

П. П. Великий, Н. А. Лучков

Великий Петр Панфилович, доктор философских наук, профессор, Институт аграрных проблем РАН, Саратов, iagpran@mail.ru

Лучков Николай Андреевич, кандидат социологических наук, профессор кафедры корпоративной экономики, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, luchkovna@mail.ru

В статье рассматриваются сущность парадоксов и проявление их в репродукции основных областей жизни села: составе и качестве аграрных кадров, материально-вещественных ресурсах, соотношении крупных и мелких укладов. На основе материалов социологических исследований выявляются парадоксальные тенденции сосуществования сельскохозяйственных организаций и сельских сообществ, проявляющиеся в неиспользовании ресурсов, которые могли бы взаимно укреплять их. Показано, что смыслообразующие ценности коллективных акторов, действующих в агросфере, смещены на узкопрагматические цели, что способствует возврату во временной динамике к исходной ситуации, без наращивания позитивных тенденций.

Ключевые слова: парадоксы, смысложизненные ценности, агросфера, сельские сообщества, аграрные кадры, циклы, репродукция, ресурсы, уклады.

Paradoxes of Reproduction of Resources of the Countryside

P. P. Velikii, N. A. Luchkov

Peter P. Velikii, ORCID 0000-0001-5104-2153, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, 94, Moskovskaya Str., Saratov, 410012, Russia, iagpran@mail.ru

Nikolai A. Luchkov, ORCID 0000-0001-9669-5158, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25, Sobornaya Str., Saratov, 410031, Russia, luchkovna@mail.ru

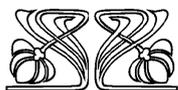
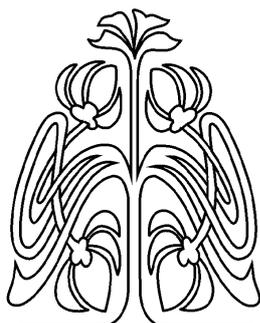
The paper discusses the essence of paradoxes and their manifestations in the reproduction of the main areas of rural life: the composition and quality of agricultural personnel, the material resources and the correlation between large and small forms of agricultural production. Based on the results of sociological surveys, the paper identifies some paradoxical trends of coexistence of agricultural organizations and rural communities manifesting themselves in the non-use of the resources that could have made both of them stronger. It is shown that the meaning-forming values of collective actors in the agricultural sphere are shifted towards narrow-pragmatic goals, which returns them back to the initial situation in the time dynamics, without building up positive trends.

Key words: paradoxes, sense-of-life values, agricultural sphere, rural communities, agricultural personnel, cycles, reproduction, resources, economic forms.

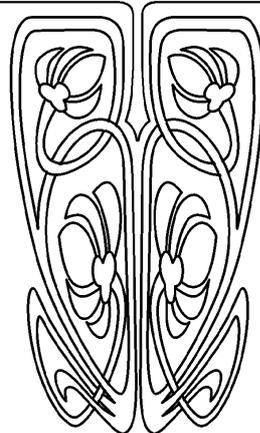
DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-370-377

К ресурсам сельской жизни относятся все составляющие жизнеустройства – от производственной и социальной инфраструктуры, жилья, транспортных магистралей, земельных угодий и до самих жителей.

Парадокс является отражением проявления противоречий в развитии объекта или процесса через полярность его сторон, когда одно состояние переходит в другое – противоположное. В сознании парадоксы выражаются, во-первых, как мнение, расходящееся с об-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

щепринятым, или высказывание, противоречащее (иногда только на первый взгляд) здравому смыслу. Во-вторых, явление, кажущееся невероятным, потому что очевидно не может быть как-то оправданным с позиции вреда и пользы для общества. В-третьих, это процесс, реализация которого дает результат, прямо противоположный или качественно отличающийся провозглашенным целям¹.

Аграрная сфера в наибольшей степени подчинена цикличности, вызванной природой, задающей определенный ритм и трудовую напряженность. Люди ожидают наступления весны, чтобы посеять семена культурных растений, а осени – чтобы собрать продукт, который дала земля и усердный труд на ней. И так из года в год. Хотя есть и более равномерно нагруженные виды сельской занятости, но в целом повседневность в смыслах и результатах жизнедеятельности вписывается в логику кругов, возврата к ситуациям, каждая из которых может считаться исходной. Завершение очередного сельскохозяйственного года имеет на селе особый смысл, облекающий параметры успехов/неуспехов в объект осмысления тенденций. Тем более важны в этом отношении более длительные круги в 5, 10–20 лет.

Наиболее общее объяснение возникновения парадоксов связано с волновыми процессами, присущими природе и обществу: определенные характеристики то растут до определенного уровня, то снижаются, и эти колебания многократно повторяются. Существует внутреннее единство социальных колебаний с природными, что особенно наглядно демонстрирует агросфера.

Агросфера обладает огромными ресурсами, в репродукции которых участвует много факторов: деятельность человека; способность природной среды восстанавливать себя, возвращаться к нормальному состоянию; влияние глобальных изменений климата на Земле и др.

Так, в XIX – начале XX в. в России был избыток сельского населения, сейчас, в начале XXI в., его стало настолько мало, что в общественном сознании это воспринимается как «опустынивание сельской России». Этот результат сложился под действием многих причин и условий и, хотя

он нежелателен, остановить его, по-видимому, невозможно. Поэтому меняются аграрная технология, структура хозяйствующих субъектов, обустройство территорий транспортными и информационными коммуникациями.

Вопрос, каким возвращается объект к исходной ситуации – улучшенным, более развитым или, наоборот, в состоянии застоя и деградации – в осмыслении его аграрно-сельской социологии не вселяет оптимизма. Достаточно посмотреть на завершение циклов обучения – в сельской школе, аграрных колледжах и вузах. Выпускники школ дружно отправляются в город учиться или трудоустроиться (хотя им трудно рассчитывать на хорошую оплату), а те, кто не устроился, вернутся домой, чтобы «сесть на шею родителям». Руководство сельскохозяйственных организаций, хотя вправе ожидать приезда молодых специалистов, испытывает разочарование, так как их появление и претензии на рабочее место – редкое явление. Между тем аграрные кадры стареют (табл. 1).

В сельском хозяйстве около половины работников старшего возраста имеют начальное профессиональное образование во всех возрастных категориях: 50–54 года – 37,8%; 55–59 лет – 43,8%; 60–64 – 42,6% и старше 48,0%. Среднее общее образование имеет каждый пятый возрастной сотрудник 50–59 лет и лишь 15% работников старше 60 лет. Среднее профессиональное образование получили около трети работников в возрасте 60–64 лет. Около 20% 55–59-летних респондентов имеют диплом техникума, не получили специальной профессиональной подготовки для нынешней работы примерно одинаковое количество респондентов во всех возрастных категориях (70–75%). Они считают, что для работы, которую выполняют сейчас, уровня их образования вполне достаточно, и эта оценка свидетельствует о степени развитости техники и технологии в АПК.

Особое влияние на жизнедеятельность сельских жителей оказывает поселенческая структура села, которая включает села крупные, средние, мелкие и мельчайшие (в том числе и без населения).

Таблица 1

Численность занятых в сельском хозяйстве по возрастным группам²

Годы	Всего, тыс. чел.	В том числе в возрасте, лет		
		до 30	30–49	старше 50
2002	6339	1264	3567	1508
2004	5663	1161	3119	1383
2006	5673	1126	2918	1629
2008	5445	1030	2736	1679
2010	5410	1174	2534	1702
2012	5123	984	2261	1878
2013	4880	961	2093	1827

Согласно данным государственной статистики, в 90,1 тыс. поселений людностью от 1 до 500 человек проживают около 10 млн чел., от 501 до 1000 чел. – 15 млн³. Большинство из них существует без работодателя. Не находятся они и в центре внимания местных органов власти по обеспечению хотя бы минимума социальных благ. Только в поселениях, где проживают от 1001 человека и выше, согласно нормативам, которыми руководствуются региональные власти, должны быть дошкольные учреждения, школа, храм, участковый инспектор.

Начиная с поселений численностью от 501 до 1000 жителей, положено меньше благ: лишь клуб, библиотека, центр бытовых услуг, водопровод, баня. Что касается деревень численностью от 1 до 500 жителей (более 90 тыс. поселений), то перечень социальных благ ограничивается дорогой, центром оказания бытовых услуг и кладбищем. Между тем в них живут 10 млн чел., которым институционально отказано в социальных благах, доступных жителям других типов поселений. Сложившаяся сельскохозяйственная структура во многом определяет и невысокую занятость жителей сельскохозяйственным трудом в его общественно организованных формах во всех типах поселения.

Новосибирские социологи под руководством Т. И. Заславской, применяя системный подход к изучению деревни, оценивали их потенциал с позиции урбанизированности, справедливо полагая, что степень насыщения элементами, присущими городской сфере, свидетельствует о развитости поселения, способности его производственных и социальных структур выполнять внешние и внутренние функции⁴. Прошедшее время после данного аналитического опыта, особенно последние 25 лет (годы реализации аграрной реформы), изменили поселенческую реальность коренным образом, и сегодня села стали различаться не уровнем урбанизации, а по элементарному показателю – наличию или отсутствию работодателя.

По существу, сельские поселения именно по указанному признаку разделились на относительно медленно и ускоренно исчезающие с территории сельской России. Современные крупхозы базируются в селах, бывших центральных усадьбах колхозов, где еще остались и могут быть использованы производственные здания и другие сооружения. Жизнь в селах без работодателя обрекает их обитателей кормиться со своего огорода, стать трудовыми отходниками либо переехать в другие места (последнее трудно осуществить, поскольку откладывать, копить нужные финансовые ресурсы здесь весьма сложно). Определенная часть сельских жителей активного трудового возраста работает в областном центре и производствах, находящихся за его пределами, но тоже удаленных от места жительства, и становятся отходниками⁵. Так, поголовное описание

занятости сельских жителей трех муниципальных районов Татарстана (2004–2014 гг.) выявило следующую картину: в крупхозах 26 населенных пунктов заняты от 1 до 16% трудоспособных, в 16 – от 17 до 30%, в 8 – от 30 до 42%. Одновременно в формате трудового отходничества в 9 селах участвуют от 3 до 10% (в основном мужчин молодых возрастов), в 10 – от 10 до 20%, в 22 – от 20 до 45%. А в 11 селах отходниками являются от 45 до 90% трудоспособных жителей⁶.

Такова ситуация с воспроизводством аграрных кадров и местом их проживания. Не меньше проблем с репродукцией почвы – незаменимым элементом агросферы, чтобы обеспечивать производство пищи и сырья для промышленных целей. Главная проблема здесь – истощение почвы. По данным специальных исследований, для нормального развития растений требуется около 15 микроэлементов, но при нынешнем уровне истощения почвы растения получают их 5–6, в то время как для здорового питания организм человека должен получать до 50⁷. Если взять рубежом цикла весну, то исходная ситуация для получения хорошего полноценного продукта полей всякий раз оказывается хуже предыдущей, потому что за счет ветров и водостоков выносятся тысячи тонн природной почвы. Выводятся микроэлементы и через скошенные растения, которые вывозятся с полей и распространяются потом так, что полезные вещества на поля не возвращаются. То же самое происходит на площадях, где выращиваются корма для животноводства, поэтому мясомолочная продукция бедна нужными для человека микроэлементами. За счет внесения удобрений, а это в основном калий, азот и фосфор, лишь частично происходит восстановление всей цепочки взаимодействия аграриев и природной среды. К тому же минеральных удобрений в 2014 г. было внесено на 1 га 40 кг, что в два раза меньше, чем в практике советских колхозов (1990 г.), в 10 раз – относительно норм, сложившихся в сельском хозяйстве западных стран⁸.

Слабым является техническое оснащение сельского хозяйства. По сравнению с 1990 г., в 5 раз меньше осталось тракторов, в 6 раз – зерноуборочных комбайнов, в 13 раз – дождевальных и поливальных машин и установок⁹. Хотя сельскохозяйственные организации и фермеры в основном справляются со всем циклом полевых работ, но это связано, во-первых, с тем, что площадь пашен уменьшилась (40 млн га пустуют), во-вторых, резко сократилось животноводство.

Отмеченные факты обязывают рассматривать социокультурные процессы не с позиции развития, достижения отдельных успехов в агросфере, а в контексте объяснения причин отката назад, в прошлое многих краеугольных опор сельской жизни. Мы исходим из того, что социальная структура сельского населения, по срав-

нению с горожанами, относительно однородна, в ней мизерна доля богатых, зато подавляющая часть имеет средний и низший уровень жизни и потому может рассматриваться в терминах гомеостатической системной репродукции. Мы ее используем лишь в той части, которая позволяет обнаружить воздействие каузальных витков, возникающих на основе непреднамеренных действий индивидуальных и коллективных акторов, что возвращает структуру в исходную ситуацию¹⁰. Этот возврат может задаваться либо угасанием какого-то важного для развития элемента, происходящего в силу того, что изменяется смысл восприятия населением деловой жизни или внесением управлением кардинальных перемен в общественные и экономические отношения. В жизни села нашли место для реализации оба эти витка.

Главная особенность каузальных витков заключается в том, что происходит повторяемость уже бывших ранее отношений и состояний, характерных для исходной ситуации, позитивных или негативных. Этот возврат определяется многими факторами, которые можно разделить на непреодолимые и почти неподдающиеся смягчению, непреодолимые, но доступные смягчению или нейтрализации их отрицательного эффекта. К первым относятся удаленность и отсутствие транспортных средств (магистралей, наземного и воздушного транспорта) для делового и культурного общения с крупными поселениями, природные условия для ведения сельскохозяйственного производства (песчаные территории, отсутствие мелиорации). Ко вторым можно отнести строй экономических отношений, отсутствие целей в аграрной политике, которые были бы направлены на реализацию потенциала слабых, неконкурентоспособных субъектов сельской жизни. В результате на обочине социально-экономической жизни остается подавляющая часть сельского населения, ресурсы конкурентоспособности которого очень малы, так как они лишены рабочих мест в сельскохозяйственных организациях современных укладов¹¹. Сюда же можно отнести наивную веру каждого входящего в жизнь поколения, что подлинная, счастливая жизнь находится там, где «музыка и огни»¹², т. е. в городе, как образно можно это представить в смыслах жителей отдаленных, заброшенных поселений.

АПК в своем первоначальном смысле, означавшем комплекс сфер: *аграрную* (работа на земле), *промышленную* (заводы, производящие промышленную технику) и *переработки* продукции, в современной модели распался на независимые, «безразличные» к друг другу блоки. Мечтой менеджмента крупхозов и фермеров является приобретение техники иностранного производства, с качеством и производительностью которой отечественные тракторы и комбайны пока сравниться не могут. Однако техника ино-

странного производства стоит очень дорого и доступна только успешным фермерам и крупхозам.

Новым явлением в процессе индустриализации сельского хозяйства стало распространение агрохолдингов. Агрохолдинги – это интегрированные корпорации, действующие на рынке продовольствия. Цель их создания – стремление к усилению рыночной власти, получение технологических выгод от объединения, снижения риска, ослабление административного давления властных структур, формирование полного цикла «производство – переработка – продажа»¹³. Если у самостоятельных (не вошедших в холдинг) хозяйственных организаций и фермеров еще сохраняются некоторые черты взаимодействия с членами местных сообществ, схожие с социальной ответственностью, присущей советским колхозам, которая на фоне безразличия к социальным вопросам руководителей современных коллективных хозяйств представляется высокой, то в агрохолдингах обмен ресурсами осуществляется исключительно по нормам рыночной эквивалентности¹⁴. Российские практики подтверждают справедливость утверждений об эффективности технологической стороны функционирования агрохолдингов, однако о человекообразности отношений в них говорить рано. Тотальная концентрация аграрного производства, корпоративный бюрократизм и дисциплина, присущая конкурентной индустрии, ставят под вопрос смысл личных инициатив на селе, достижение индивидом высоких показателей в труде, солидарности и сплоченности.

В странах Запада этот перекокс уравнивается институтом фермерства, который активно поддерживается государством, ориентирующемся не только на экономическую, но в меньшей степени на социальную составляющую. Причем не только через институт фермерства, но по модели «Малое прекрасно»¹⁵.

Если рассмотреть большую глубину ретроспективы, то можно обнаружить, что произошел возврат к некоторым устоям частного существования крестьянского двора, характерного для XIX и начала XX в. Это, в первую очередь, относится к наиболее активной части сельских сообществ («креативному классу»), которые, оказавшись вне общественных форм организации труда, стали выживать за счет достаточно крупного семейного хозяйства, сделали его товарным, поскольку производят больше, чем требуется для собственного потребления. Официальными фермерами они не хотят становиться, чтобы избежать воздействий государства, которые сопровождают институт фермерства, хотя и им приходится нести определенное налоговое бремя. При этом реанимируются не только типичные крестьянские виды труда: полеводство, огородничество и животноводство, но и редкие, такие как пчеловодство, промыслы, извоз и другие, которые по экономической эффективности

нередко превосходят традиционное хозяйствование на земле и на ферме. Хотя техническое оснащение труда меняется, но вряд ли такая автономная семья и ее глава вышли из модели «надежды на себя, на свои силы, здоровье».

Отметим, что за время реализации идей аграрной реформы многие проявления жизнедеятельности постколхозного крестьянства приобретали парадоксальное значение. Например, тех, кто воспользовался кредитами для организации фермерского хозяйства, предоставленными государством им на очень выгодных условиях. Суть такова: многие приобрели сельскохозяйственную технику, но затем, не начав хозяйствовать, ее продали, а вырученные деньги употребили на другие цели (в том числе приобрели легковые автомобили), что вызвало в обществе немало споров о причине происходящего. Рассматривая сегодня этот феномен через понятие «смысл», невольно оправдываешь поведение несостоявшихся фермеров, ведь они, оценив свои ресурсы и бесчисленные преграды (невозможность получить свой пай в натуре, приобрести в собственность землю, сложность хранения продукции и т. п.), пришли к выводу о бессмысленности своего первого шага, ибо первоначальное самонагружение его позитивными надеждами оказалось выше их сил, телесных и духовных. То есть смысл содержится в себе, помимо ориентирующего начала, еще и проявление себя как некоего результата, «продукта обстоятельств». Не исключено, что на этапе челночной торговли и бартера именно легковой автомобиль в смыслах несостоявшегося фермера представлял большую ценность, чем комбайн или трактор. Поэтому заслуживает внимания разграничение уровней смысла относительно масштабов пространства и динамических свойств объекта осмысления. В одном случае смысл сближается со смысложизненными ценностями, выступает как относительно устойчивые во времени идентичности, не изменяющиеся кардинально даже при встрече субъекта с негативно оцениваемыми им ситуациями. В другом – при доступности выбирать варианты поведения смысл ограничивается дифференциацией актуальности и возможности. В смысле этого уровня регистрируются условия собственных возможностей и способностей достичь того, что актуально, и границы возможных результатов. Этот уровень смысла относительно подвижен, что отражено в народной поговорке «На безрыбье и рак рыба», т. е. желаемую вещь приходится заменять другой, зачастую с худшими качествами или не соответствующей культуре.

Итак, то, что в длящемся или моментальном ритме жизни становится бессмыслицей, подталкивает индивида к поиску другого варианта действий на основе сопоставления своих возможностей с условиями, позитивно и негативно оцениваемыми им, т. е. к новому смыслу.

Особенно ярко тенденция возврата к исходной ситуации рубежных состояний рыночной реальности через устойчивые модели смыслов проявляется и в репродуктивном процессе на селе. Не одно поколение сельской молодежи нашей страны испытывалось на прочность привязанности к селу. С одной стороны, удерживала ответственность за родителей, которые, старея, могли рассчитывать в основном на помощь детей, поскольку пенсионное обеспечение появилось на селе немного позднее, чем в городах. С другой, существовала система стимулирования «возвращенцев» на село: молодых сельян, пожелавших учиться сельским профессиям, поддерживали колхозной стипендией, для них директивно устанавливались лимиты приема в различные, в том числе столичные вузы.

Выпускники сельских школ последнего двадцатилетия, поголовно стремящиеся в вузы и колледжи, не исключают для себя занятости на рабочих должностях (показатели с 1994 по 2014 г. устойчиво держатся на уровне 76,3–89,0%), но только в том случае, если это будет в городе. Однако произошла перемена по данному показателю и в пользу села: в 1997 г. по сравнению с 1994 г. рост на 7 п.п., в 2014 г. по сравнению с 2004 – на 6 п.п.¹⁶

Понятно, что эти цифры отражают лишь ценностные ориентиры. Зато другая цифра – о намерении остаться в своем селе (2,5%) или уехать в город (97,5%) – является ориентиром ближайшего поведения. Причем это связывается исключительно с продолжением учебы (97,0% юношей и 97,9% девушек).

Не случайно и то, что знание учащихся выпускных классов о реальной структуре рабочих мест в своем селе за весь период наблюдения ограничился таким перечнем, как уборщица в школе и магазине, продавец. К 2014 г. прибавили работу пастуха. Это те виды занятости, о которых говорят родители, и сами они их наблюдают. В селах, где опрашивались школьники, есть и фермеры, но потребность их в кадрах – тема совершенно «закрытая» для детей и подростков.

Это свидетельствует о несовпадении полей социально-демографического понятия «сельская молодежь» и реальной группой, которая остается действительно сельской, пока обучается в школе. При этом она и в годы обучения по смысложизненным ценностям с большой натяжкой может быть отнесена к сельской молодежи. Дальнейшие жизненные дороги все больше отдаляют ее от села. Это реальность, особенно четко отраженная в начале XXI в.

Следующий виток возврата процесса воспроизводства к исходной ситуации сельской реальности связан с невозвращением сельской молодежи в село в качестве образованных, профессионально подготовленных кадров. Он обусловлен следующим: во-первых, низким уровнем ресурсов семьи, чтобы обеспечить финансами

обучение детей в престижных высших учебных заведениях, и слабой подготовкой самих выпускников сельских школ, чтобы получить проходные баллы. Поэтому основным местом обучения выступает аграрный вуз, в который поступить легче и плата за обучение, поскольку учиться приходится на коммерческой основе, более низкая, чем в других вузах. Престиж высшего образования в сельских сообществах высокий, и оно становится самоцелью безотносительно от того, придется ли работать по специальности. Опрос студентов Саратовского аграрного университета (351 опрошенный из около половины специальностей и направлений) показал, что 48% их уже при поступлении в вуз не планировали работать в селе и не изменят своего решения ни при каких условиях. Эта цифра не изменилась при опросе выпускников; в селе в течение 2009–2011 гг. ежегодно устраивались около 12% выпускников¹⁷.

Во-вторых, структура хозяйственных организаций новых укладов, заменивших колхозы, отторгает специалистов. С одной стороны, из-за специализации: если нет в хозяйствах животноводства (а в подавляющем числе хозяйств оно как раз и отсутствует), то нет и не может быть соответствующей штатной единицы. Поэтому между числом выпущенных специалистов по ветеринарии и их трудоустройством существует вопиющее несоответствие. Саратовский аграрный университет в 2011 г. выпустил 353 ветеринара, трудоустроено четверо; в 2012 г. – из 88 столько же; в 2013 из 81 обученного не трудоустроен ни один человек.

С другой стороны, плохо решается вопрос с жильем для молодых специалистов. Так, в 2011 г. в расчете на один регион страны лишь 64 семьи получили поддержку государства на улучшение своих жилищных условий. Там, где выпускника

аграрного вуза все же принимают на работу, ему назначают зарплату ниже, чем рядовому механизатору. Так, средняя зарплата молодых специалистов по 37 субъектам РФ составляла: в 2009 г. – 7,6 тыс. руб., в 2010 г. – 8,8 тыс. руб., в 2011 г. – 10,2 тыс. руб.

Таким образом, не только стимулирование отдельной группы на переезд в деревню, но улучшение общей обстановки – наличие рабочего места, достойная оплата труда, обеспеченность жильем и прочими социальными благами – может действительно изменить ситуацию и с пополнением кадров специалистов (табл. 2).

Подход к селу и к аграрной экономике в духе либеральной идеологии сменил акценты: ответственность сообществ и отдельных индивидов за состояние дел в производстве перестала быть значимой ценностью, заслуживающей поддержки властей. Соответственно, и сельские жители ответили на это равнодушием («У нас в Галкинском пустовало 7000 га. Говорю: ребята, давайте поднимем. Тишина. Охотников нет. И не будет»). Во многом это – следствие разрушения типичного сельского образа жизни.

Таким образом, парадокс смыслов на селе вытягивает на поверхность сущностные черты сельской жизни в их реальном состоянии, по весьма широкому кругу проблем и противоречий. Основным блокатером развития выступает разбалансированность производственной и социальной сфер, что прочно закрепилось в смыслах всех категорий сельских жителей. Именно она задает каузальные витки возврата многих к исходной ситуации (рисунок).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что тенденции разрушительного характера в сельской России преобладают над созидательными. Это не учитывается в аграр-

Таблица 2

С какими трудностями встречается в настоящее время молодой специалист, изъявивший желание работать в селе? (% от числа опрошенных)

Трудности при трудоустройстве	Мужчины	Женщины	Среднее значение по выборке
Предложат должность с низкой зарплатой	53,9	61,5	57,8
Не будет хорошего жилья	35,3	29,3	31,8
Не окажется должности по специальности	29,4	35,0	32,6
Необходимость ведения ЛПХ	20,6	8,5	14,2
Не будет условий для карьерного роста	33,7	26,5	30,0
Неразвитость системы образования, здравоохранения, учреждений культуры и дорог	23,5	26,5	25,2

Схема возврата сельской реальности к исходной ситуации

ной политике. Единственный позитивный показатель, как это наблюдается в связи с хорошим урожаем зерновых в 2016 г., воспринимается органами управления, ответственными за село, как большой успех всего сельского хозяйства, предзаданный и в будущем.

В настоящее время большие надежды аграрии возлагают на Федеральную целевую программу «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года». Однако опыт выполнения предыдущей целевой программы социального развития села показал, что объем финансирования был выполнен на 38,4% (с учетом региональных источников на 51,0%). Отсюда вывод: ни сократить миграцию сельских жителей по оттоку, ни закрепить на селе молодых квалифицированных специалистов становится невозможным¹⁸.

Можно было бы привести еще множество фактов, свидетельствующих, что как на малых кругах, или ежегодных рубежах, так и за 15-летний цикл, имеет место возврат к исходной ситуации не только без прироста позитивных свойств и качеств агросферы, но и при утрате многих из них¹⁹.

В социологических и экономических публикациях приведен «монблан» фактов разбалансированности процессов репродукции в агросфере (Л. В. Бондаренко, З. И. Калугина, В. П. Данилов, В. Г. Виноградский, В. И. Староверов, О. П. Фадеева, Ж. Т. Тощенко и другие авторы, исследовавшие экономические, политические и социокультурные предпосылки сложившихся тенденций).

Особенно сложным является осмысление роли в этом влияния долговременных, идущих из прошлого и зарождающихся тенденций самодвижения аграрной сферы. Например, было бы прожектерством восстановление поселенческой сети в ее самом слабом месте – мелких деревнях: с уходом стариков из жизни, как правило, пустеют их дома и усадьбы. Однако сохранение построек в них было бы целесообразно, чтобы выполнять роль временного базирования работников и техники во время сева и уборки. Ведь уменьшение сел, сосредоточение всей техники и инфраструктуры обслуживания только в крупных поселениях будет удорожать поездки к отдаленным земельным угодьям.

На примере захвата территорий регионов агрохолдингами видно, что в системе противоречий ведущая роль сегодня перешла именно к крупным формам. Однако абсолютное предпочтение одной противоположной тенденции – это не что иное, как усиление парадоксов в агросфере, поскольку абсолютизация одной из сторон ведет к антагонизму и, следовательно, к разрушению структуры не одного хозяйствования, а всего социального пространства сельских территорий: отсутствие воспроизводства социальных и профессиональных групп, снижение рождае-

мости, наступление времени бессмысленности пребывания и жительства в сельской местности.

Схожий эффект парадоксальности проявляется в несбалансированности форм, допускающих коллективность, например, кооперативов разной специализации и акторов автономного хозяйствования, сельских подворий.

Таким образом, введение временного параметра в осмысление успехов и упущений – настоятельная потребность науки и практики управления. Адекватное понимание того, куда может завести село следование укоренившимся парадоксам, должно способствовать принятию упреждающих мер, чтобы между противоположными тенденциями сохранились границы меры.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-03-00084).

Примечания

- 1 См.: Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа). М. : Новый хонограф, 2011. С. 17.
- 2 См.: Труд и занятость в России. 2003 : стат. сб. М. : Росстат, 2003. С. 78–79 ; Труд и занятость в России. 2004 : стат. сб. М. : Росстат, 2004. С. 78–79 ; Труд и занятость в России. 2006 : стат. сб. М. : Росстат, 2006. С. 81–82 ; Труд и занятость в России. 2008. : стат. сб. М. : Росстат, 2008. С. 78–80 ; Труд и занятость в России. 2011 : стат. сб. М. : Росстат, 2011. С. 77–78 ; Труд и занятость в России. 2013 : стат. сб. М. : Росстат, 2013. С. 92–93 ; Экономическая активность населения России. 2014. С. 30. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (дата обращения: 20.09.2017).
- 3 См.: Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.01.2017).
- 4 См.: Методология и методика системного изучения советской деревни / под ред. Т. И. Заславской, Р. В. Рывковой. Новосибирск : Наука, 1980.
- 5 См.: Великий П. П., Бочарова Е. В. Динамика формирования многоканальности источников выживания сельской семьи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 30–37.
- 6 Данные взяты из архива Научно-исследовательского центра семьи и демографии АН Республики Татарстан.
- 7 См.: Экологический вызов и культура поведения в природной среде социума региона / под ред. П. П. Великового. Саратов : Саратовский источник, 2013. С. 28.
- 8 См.: Материально-техническая база сельскохозяйственных организаций // Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. URL: http://www.gks.ru/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/ (дата обращения: 10.04.2016).
- 9 Там же.
- 10 См.: Giddens A. Central Problems in Social Theory : Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. Houndmills a.o., 1979. P. 78.

- ¹¹ Например, в такой области, как Тюменская, из 25% населения, живущего в сельской местности, только 8,8% заняты в сельском хозяйстве (См.: *Конев Ю. М., Белоножко М. Л., Барбаков О. М.* Социальные настроения сельских жителей юга Тюменской области // Социс. 2016. № 3. С. 82–87). В Саратовской области 38,8% хозяйств (крупхозов) насчитывают от 60 до 100 работников, в 20% среднегодовая численность – 28 человек. Более крупные хозяйства (от 220 до 260 работников) составляют всего 5,7% от общего числа. Фермеры обходятся 10–15 наемными работниками или хозяйствуют своей семьей (См.: *Великий П. П.* Российское село. Процессы постсоветской трансформации. Саратов : Научная книга, 2012).
- ¹² См.: *Нагибин Ю. М.* Вдали музыка и огни. М. : Современник, 1989.
- ¹³ См.: *Эмануэль И. В.* Роль вертикально интегрированных структур в обеспечении продовольственной безопасности России. Саратов : ИАГП РАН, 2011. С. 18, 19, 21.
- ¹⁴ Яркий нарратив (высказывание менеджера агрохолдинга) по данному «сюжету» приводит О. П. Фадеева: «Если взять в среднем ... данные по предприятиям в Воронежской области, то получается (нагрузка. – П. В.) 1500 человек на 75000 га пашни. Выходит 20 работников на 1000 га. ... А бывает мы берем себе маленький колхоз, где пашня 2000 га, а там заняты 100 человек – получается 50 работников на 1000 га. ... Но просто взять и напололам сократить мы не можем. Это делается постепенно – в лучшем случае в течение года» (*Фадеева О. П.* «Дело было в Пенькове» : как агрохолдинги завоевывают сельские районы Сибири // Крестьяноведение : Теория. История. Современность. Ученые записки. 2015. Вып. 10 / под ред. А. М. Никулина, М. Т. Пугачевой, Т. Шанина. М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2015. С. 214).
- ¹⁵ См.: *Шумахер Э. В.* Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение / пер. с англ. и примеч. Д. О. Аронсона ; НИУ ВШЭ. М. : ИД ВШЭ, 2012.
- ¹⁶ Исследование жизненных планов выпускников сельских школ выполнялось с 1994 г. не одним поколением аспирантов-социологов. Ежегодно опрашиваются 60–80 человек. Результаты обобщены в публикациях: *Михеев П. А.* Динамика жизненных ценностей сельской молодежи // Социс. 2005. № 1. С. 91–94 ; *Великий П. П., Дакирова С. Т.* Между городом и селом : смысловой вектор выбора жизненного пути сельской молодежью // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем : материалы Всерос. школы молодых ученых. Саратов : Изд-во ИАГП РАН, 2014. С. 103.
- ¹⁷ Используются данные социологических исследований по 22 аграрным вузам: *Глебов И. П., Черненко Е. В.* Воспроизводство человеческого капитала в агроэкономике. Саратов : СГАУ, 2015. С. 40.
- ¹⁸ См.: *Мельниченко В., фермер.* Сила в доверии // АиФ. 2016. № 38. С. 17.
- ¹⁹ См.: *Бондаренко Л. В.* Развитие сельских территорий России : оценки, мнения, ожидания // Социс. 2016. № 3. С. 77.

Образец для цитирования:

Великий П. П., Лучков Н. А. Парадоксы репродукции ресурсов жизни села // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 370–377. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-370-377.

Cite this article as:

Velikii P. P., Luchkov N. A. Paradoxes of Reproduction of Resources of the Countryside. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 370–377 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-370-377.